

«И что?», - спросил Мэтт, его голос изменился. «Он просто разрушит жизнь ребенка, чтобы сделать это?»

«Ты действительно думаешь, что наш клиент - первый ребенок, которого он посадит в тюрьму?», - спросила я. «Я гарантирую тебе, что это не так. Может быть, он первый белый ребенок, - добавила я, на что Мэтт нахмурился, - но я сомневаюсь, что он последний».

«Это... у всех сердце екнуло, когда судья объявил, что наш клиент - мутант. То есть я знаю, что люди их не любят, но...», - Мэтт запнулся.

Мы ехали в тишине (ну, насколько позволяло плотное движение на манхэттенской улице) еще минут десять-пятнадцать. По его положению челюсти я поняла, что Мэтт что-то перебирает в уме, обдумывая, что будет дальше. К его чести, я искренне желала услышать, что он придумает.

«Итак, каков наш следующий шаг?» - спросил он, и я была очень рада, что это было первое, что он сказал.

Слишком часто я видела, как летние помощники придумывали грандиозные планы действий по делу, а потом понимали, что из всего, что они придумали, на самом деле реализовать можно лишь десять процентов. Обычно это происходило потому, что дела улаживались или клиенты хотели отказаться от иска, но все же.

«Прежде всего, нам нужно навестить тот переулок», - сказала я ему. «Дальше мы можем сделать только несколько вещей. Есть четыре предполагаемые жертвы, которых мы должны проследить, но мы также должны попытаться прочесать окрестности, посмотреть, не сможем ли мы найти кого-нибудь, кто подтвердит утверждения Джона, что это были четыре местных хулигана».

«Состояние души?», - спросил Мэтт.

«В точку», - подтвердила я. «Нам это нужно, чтобы примерно понять, что происходило в голове у Джона, когда он использовал свои силы, и с какой угрозой он столкнулся. Кроме того, нам нужен врач скорой помощи, который осматривал Джона и накладывал ему швы, все медсестры, участвовавшие в его приеме. Нам также нужно выяснить, будет ли кто-нибудь из друзей Джона выступать за него», - добавила я. «Нам разрешено использовать доказательства характера, и если мы сможем заставить кого-то, кто знает, что он мутант, выступить в суде и сказать нам, что он не из тех, кто опасно использует свою силу, мы, возможно, сможем переубедить одного или двух присяжных».

«Одного или двух? И все?», - недоверчиво спросил Мэтт.

«Максимум. Общественное мнение в этом деле против нас, Мэтью», - я потянула ремешок портфеля, размышляя. У нас очень мало времени на создание полноценного дела. Нужно опросить множество людей, подготовить свидетелей, разработать стратегию судебного разбирательства... не забыть вступительные и заключительные речи... и отбор присяжных. Отбор присяжных будет невероятно сложным, особенно с учетом того, что в последние годы анти-мутантские настроения растут все больше и больше, и Магнето этому не способствовал.

«Так что?», - Мэтт повернулся ко мне, чтобы я могла увидеть разочарование на его лице. «Как мы собираемся выиграть дело, если едва можем набрать двух присяжных?»

«Помни, что я только что сказала о политике, Мэтью», - сказала я, не в силах скрыть усталость в своем голосе. «Эти репортеры в зале суда? Как резко вел себя судья, как он рассчитывал выйти сухим из воды? Все это не было случайностью. Единственное, что было оставлено на волю случая, - это конкретный обвиняемый. Я гарантирую тебе, что они давно готовили нечто подобное, и нашему клиенту не повезло оказаться... как бы это сказать? Ах, да.»

Я хмыкнула, откинувшись на спинку кресла.

«Стать примером для подражания».

Следующий день наступил ярко и рано. Я первым делом явилась в офис своего босса, села в кресло напротив него и проговорила целых полчаса.

Непрерывно.

«...И вот что я хочу сказать», - сказала я, наконец закончив рассказывать Либерману о вчерашнем провале. «Говоря профессионально, я бы сказала, что это будет невероятно сложное дело, и ожидания должны быть соответствующими. Кроме того, общественные настроения, вероятно, будут постоянно вызывать беспокойство, особенно если речь идет о взаимодействии с прессой».

«А в личном плане?», - спросил Либерман.

«Полное дерьмо», - сказала я, больше не утруждая себя вежливостью. «Это все показания свидетелей и „он сказал, она сказала“, к тому же единственными свидетелями были приятели-хулиганы предполагаемой жертвы. Вещественных доказательств почти нет, и, скорее всего, все улики, которые могли бы нам помочь, уже давно исчезли или были намеренно выброшены», - я хотела броситься на стул, но вместо этого села в спокойной, контролируемой манере, хотя мне и пришлось ненадолго встать, чтобы поправить юбку.

«Это говорит только о самом деле», - заметил Либерман, жестикулируя мне своей любимой ручкой. «Это ничего не говорит о том, что вы хотите получить во время допроса и неизбежного судебного разбирательства. Недостаточно просто сказать, что это проблема, Шефер, мне нужно знать, насколько серьезной проблемой вы считаете свою работу. И даже не обманывайте себя, что он признает себя виновным, этого не будет», - я хотела сказать кое-что о возможном признании вины, но Либерман опередил меня. «Мы говорим о Лу Янге. Он никогда не предложит сделку о признании вины по такому делу».

«Тогда как насчет этого», - начала я, формулируя свой ответ. «Если бы он был кем-то другим, кроме мутанта, у нас не было бы этой проблемы. Черт, он мог бы убивать и есть младенцев, и его все равно было бы легче защитить. И что хуже всего?», - я задрала подол юбки, чтобы было

чем занять руки, а не пытаться выдернуть волосы в расстройстве. «Учитывая все остальное, попытка изолировать возможных присяжных только усугубит ситуацию, если они вообще смогут увидеть газеты и ток-шоу. У них даже есть удобный мутант-козел отпущения, которого можно обвинить в том, что они застряли в дерьмовом, захудалом отеле, едят плохую еду и выполняют длительные обязанности присяжных».

Я нахмурилась, когда кое-что поняла.

«Кстати, о СМИ, я не видела газет. Насколько плохое освещение?», - спросила я.

Мой босс сидел и смотрел на меня добрых пять секунд, прежде чем начал хихикать, в конце концов перерастая в полноценный смех.

«Как в такой день можно не прочитать газету!», - он открыл верхний ящик своего стола, и через мгновение передо мной лежали три разные газеты: «Таймс», «Джорнал» и «Багл».

«Сегодня твой счастливый день, Шефер, ты едва попала на седьмую страницу!»

Я уставилась на сегодняшние выпуски, одинаковые заголовки пестрели на первых страницах, и не смогла удержать челюсть от падения от шока.

КАПИТАН АМЕРИКА ЖИВ!

Любимый герой Второй мировой войны разморожен и спасен!

<http://tl.rulate.ru/book/105574/3978604>